

УДК 811.411.21

Оригинальная Статья
Original Paper

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРМАНТ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Raghad Хани Аль-Рознамичи,

Университет Багдада

raghad.hani191.rh@gmail.com

Поступила в редакцию: 16 июля 2021 г. Received: July 16, 2021
Одобрена рецензентами: 2 сентября 2021 г. Reviewed: September 2, 2021
Принята к публикации: 13 сентября 2021 г. Accepted: September 13, 2021

Аннотация

В данной статье рассматривается способность словообразовательного форманта быть носителем деривационного значения в русском и арабском языках. На основе арабской словообразовательной модели выделяется формант, по которому переводчики ориентируются, чтобы достичь максимальной переводческой эквивалентности. Русские формальные форманты выражают деривационное значение и служат стандартной моделью для появления новой лексики. Анализируется мысль об отсутствии аффиксов в арабском языке и способность арабского корня к флективной категоризации, чтобы выразить разные словообразовательные значения. Способность арабского корня количественно изменяться при сохранении женского порядка следования базовых элементов позволяет кардинальным элементам корня выразить нужные словообразовательные значения без участия лишних аффиксов. Процесс появления новой лексики в русском и арабском языках не только зависит от формальных критериев русского языка или флективных процессов арабской категоризации, но должен удовлетворить переводческим требованиям эквивалентности. Проявляется процесс четкого флективного изменения базовых элементов корня и их способность беречь чистоту арабского языка, не позволяя корню присоединять аффиксы. Они же берут на себя задачу оптимальной категоризации путем флективной категоризации – количественного изменения базовых элементов арабского корня.

Ключевые слова: словообразовательный формант, переводческая эквивалентность, категоризация, модель, словообразование.

Для цитирования: Аль-Рознамачи Р.Х. Словообразовательный формант и эквивалентность перевода в русском и арабском языках // Арабистика Евразии. 2021. № 15. С. 35-48.

WORD-FORMATION FORMANT AND TRANSLATION EQUIVALENCE IN RUSSIAN AND ARABIC

Raghad Hani Al-Roznamachi

University of Baghdad

raghad.hani191.rh@gmail.com

Abstract

This article examines the ability of a word-forming formant to be a carrier of a derivational meaning in the Russian and Arabic languages. On the basis of the Arabic word-formation model, a formant is allocated, according to which translators are guided in order to achieve maximum translation equivalence. Russian formal formants express the derivational meaning and serve as a standard model for the appearance of a new vocabulary. The article analyzes the idea of the absence of affixes in the Arabic language and the ability of the Arabic root to be inflectionally categorized in order to express different word-formation meanings. The ability of the Arabic root to change quantitatively while maintaining the feminine order of the basic elements allows the cardinal elements of the root to express the necessary word-formation meanings without the participation of unnecessary affixes. Russian and Arabic languages not only depend on the formal criteria of the Russian language or the inflectional processes of Arabic categorization, but also must meet the translation requirements of equivalence. The process of a clear inflectional change of the basic elements of the root and their ability to preserve the purity of the Arabic language is manifested, not allowing to attach affixes to the root. They also take on the task of optimal categorization by inflectional categorization – to quantitatively change the basic elements of the Arabic root.

Keywords: *word-forming formant, translation equivalence, categorization, model, word formation.*

For citation: Al-Rosnamachi R.H. (2021). *Word-formation formant and translation equivalence in Russian and Arabic. Eurasian Arabic Studies, 15, 35-48. (In Russian)*

ВВЕДЕНИЕ

Процесс достижения переводческой эквивалентности не является простой задачей переводчика, а представляется очень сложным процессом, поскольку подбор правильного переводческого эквивалента зависит от других языковых законов. Появление новой лексики в арабском и русском языках подчиняется словообразовательным процессам этих языков, что обязывает переводчиков хорошо знать словотворчество, чтобы правильно оформлять новые понятия в подходящие языковые оболочки – слова, собирающие в себе все элементы языкового познания нового понятия. Именно поэтому надо посвятить особую работу взаимосвязи словообразования и перевода, первое представляет собой грамматические форматы, в которые входят новые слова и элементы их познания, а второе – перевод, расшифровывающий эти коды и передающий их на иностранные языки, реализуя процесс перевода.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Неделимая связь переводческого процесса с устойчивыми лингвистическими законами раскрывает неотъемлемую роль словообразования в процессе перевода. Русский формант (формальный или флективный) не только дает арабским переводчикам понять словообразовательное значение старых дериватов, но и подсказывает им значения известных корней вновь образованных слов по аналогии со старыми уже образовавшимися дериватами [Карам, 2009; Карам 2010]. Например, русский словообразовательный формант – *атор* образует имя существительное со значением «название лиц, для которых характерно отношение к тому, что называется именем существительным, от которого слово образовано». Примерами могут служить слова типа: *реанимировать* → *реаниматор*, *эвакуировать* → *эвакуатор*, *новация* → *новатор*, *агитировать* → *агитатор*, *классифицировать* – *классификатор*, *компилировать* – *компиляция* → *компилятор*, и многие другие. Арабским переводчикам известно, что дериваты с таким деривационным формантом несут определенное словообразовательное значение, с которым они уже знакомы. Процесс образования новой лексики, содержащей данный формант, активизирует познание словообразовательного значения, выраженного этим формантом. Но для этого нужно, чтобы арабские переводчики узнали семантику, производящую базу. Здесь четко раскрывается неделимая связь переводческих

процессов со словообразовательной мотивацией, активными элементами которой являются производящая основа, словообразовательная мотивация и словообразовательный формант. На первый элемент – производящую основу – падает нагрузка по определению основной семантики производного слова. Второй элемент – словообразовательная мотивация – раскрывает мотивационные отношения между дериватом и производным словом, а формантом осуществляется реальное изменение, в результате которого новое слово рождается на основе первых двух элементов. Все эти процессы и связи мгновенно совершаются переводчиками, чтобы определить семантику производной языковой единицы и сравнить ее со старыми образцами, найти переводческий эквивалент и добиться достойного перевода.

Таким образом, на основе вышеприведенных примеров типа *реаниматор*, *новатор*, *агитатор*, *классификатор*, *компилятор*, по подобному форманту определяется семантика других слов: *координатор*, *иллюстратор*, *рационализатор*, *узурпатор*, *интерпретатор*, *информатор* и многие другие. Если арабским переводчикам известны мотивирующие базы этих дериватов и словообразовательное значение форманта *-атор*, то они познают семантику и грамматические маркеры данных дериватов по аналогии. Другими словами, в данном познавательном процессе происходят два взаимосвязанных действия. Первое – семантическое, при котором семантика деривата определяется посредством ссылки на семантику производящей основы: *координировать* → *координатор*, *иллюстрировать* → *иллюстратор*, *рационализировать* → *рационализатор*, *узурпировать* → *узурпатор*, *интерпретировать* → *интерпретатор*, *информировать* → *информатор*. При первом действии познается семантика деривата. Второе действие позволяет посредством четкого определения словообразовательного форманта уточнить словообразовательное значение деривата. Этот процесс происходит по аналогии, в сравнении со словообразовательным значением одного и того же форманта раньше созданных слов типа *классификатор*, *реаниматор* и др.

Что зависит от флективного форманта в русском языке, то он подчиняется одним и тем же процессам, по которым выражается формальный формант – семантическому и словообразовательному, что показывает значительную роль словообразовательного форманта. Поэтому, перевод с русского на арабский язык и наоборот осуществляется на основе этих двух процессов, по которым в русском и арабском языках создается новая лексика.

Теперь переходим к арабскому словообразовательному форманту, по которому создается новая лексика в арабском языке. Как известно, арабский корень не допускает присоединения аффиксов, в основе которых лежит самостоятельное слово, а лишь позволяет прибавление грамматических звуков. Данные грамматические звуки лишь выражают чисто грамматические значения. Словообразовательный формант представляется определенным звуковым количеством каждого слога или общей звуковой материей, которой должна соответствовать звуковая материя дериватов новой лексики в арабском языке. Данному грамматическому правилу подчиняются все дериваты новой арабской лексики, например, по словообразовательной модели [fa'lanatun], обозначающая какой-то процесс на арабском языке. Итак, по этой модели создаются новые слова типа: араб. *šaiṭanatum* شَيْطَانَةٌ, рус. *демонизация*, англ. *demonization*; араб. *šahṣanatum* شَخْصَانَةٌ, рус. *персонализация*, англ. *personalization*; араб. *ā'nsanatum* أَنْسَانَةٌ, рус. *очеловечивание*, англ. *humanization*; араб. *šar'anatum* شَرَعَانَةٌ, рус. *легализация*, англ. *legalization*; араб. *'aūlamatum* عَوْلَمَةٌ, рус. *глобализация*, англ. *globalization*; араб. *'amnanatum* عَمْنَانَةٌ, рус. *оманизация*, англ. *omanization*; араб. *'arqanatum* عَرَقَانَةٌ, рус. *иракизация*, англ. *iraqization*; араб. *qaṭranatum* قَطْرَانَةٌ, *катаризация*, англ. *qatarization*; араб. *'aqlanatum* عَقْلَانَةٌ, рус. *рационализация*, англ. *rationalization*; араб. *ā'rḥanatum* أَرْحَانَةٌ, рус. *архаизация*, англ. *archaization*.

Как видно, в данных дериватах арабского языка нет аффикса с индоевропейским пониманием. Разбор арабских дериватов данной словообразовательной модели показывает, что к корню присоединились только грамматические звуки. К производящей основе араб. [šaiṭana] شَيْطَانٌ рус. *демонизировать*, англ. *to demonize* присоединился только грамматический звук /t/. Этот звук в данном случае маркирует женский род, приобретенный производным словом [šaiṭanatum] شَيْطَانَةٌ рус. *демонизация*, англ. *demonization* в результате грамматической категоризации. А звук /un/ – это танвин, который обозначает сочетание двух огласовок для маркирования именительного падежа. Итак, арабский корень не позволяет присоединения суффикса, в основе которого лежит самостоятельное слово [Аль-фоади, 2016, с. 22-66]. Все примеры данной модели имеют одну и ту же словообразовательную характеристику [Моисеев, 1987]. Грамматический звук, который придал производному слову родовой маркер, никак не повлиял на вещественное лексическое значение корня. Ведь оно (ЛЗ) в арабском языке связывается с базовыми элементами корня и не расчленяется. Лексическое значение имеет

одно и то же понятие и в русском языке, поскольку представляет собой «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» [Ярцева, 1998, С. 261].

Приведем другой пример арабского форманта, который выражает одинаковое значение для всех производных слов одной и той же модели. Модель [mif'āl], по которой образуется словообразовательное значение – название орудия действия, есть реальный звуковой образец, создающий дериваты определенной модели в арабском языке и выделяющий формант этой модели. В соответствии с ней к производящей основе присоединяется только грамматический звук /m/, не влияющий на базовые элементы арабского корня (три кардинальных звука) [Белкин, 1975; Гранде, 2001; Финкельберг, 2004], а всего лишь выражающий грамматическое название орудия действия. Например, арабская производящая основа [fataḥa] فَتَحَ (рус. *открыл*, англ. *opened*) подвергается грамматическому чередованию, при котором звуковое количество гласных и мотивированных ими согласных изменяется в результате чередования гласных. Как результат, чередований и присоединения грамматического звука образуется название орудия действия [miftāḥ] مِفْتَاحُ рус. *ключ*, англ. *a key*. Данный арабский корень [fataḥa] فَتَحَ (рус. *открыл*, англ. *opened*) может категоризоваться морфологически, но без всяких грамматических звуков. От него образуется производное слово [futiḥa] فُتِحَ рус. *был открыт*, англ. *it was opened*.

Примеры грамматических звуков в русском языке можно выделить в разных формах русских слов. Неубедительно ставить грамматические звуки типа /л/ или /ла-ли/ и суффикс -логия в русском языке под одну доску. В первом случае к русскому корню присоединяются звуки /л-ла-ло-ли/ для выражения чистого грамматического значения – прошедшего времени. Эти звуки никак не меняют вещественного лексического значения русского корня, они ему лишь придают грамматические значения по времени и роду. Во втором случае к корню присоединяются суффиксы, в основе которых лежит самостоятельное слово – «логия (от греч. λόγος – слово, мысль, счет), составная часть слов, означающая «наука, знание, учение»; например, филология, биология» [Большая Российская Энциклопедия, 2004] вирусология «наука о вирусах», иммунология «наука об иммунитете», медиалогия «наука о медиа». Несправедливо считать русские грамматические звуки типа /л-ла-ло-ли/, никак не влияющие на вещественное значение корня, и другие, например -логия, суффиксами. В основе -логия лежит греческое слово «logos», которое обозначает «наука, знание, учение», а грамматические звуки такой основы не имеют. Они всего лишь выражают

грамматические значения, не мешая корню сохранить одно вещественное лексическое значение, и не ограничивают корень в процессе свободной категоризации – флективной. Грамматические звуки не ограничивают способность корня на грамматическую самостоятельность – категоризоваться по оригинальным грамматическим маркерам слова – родовым, падежным, числовым. Большая уникальность арабского корня заключается в его очень гибкой способности категоризоваться [Аль-фоади, Зарытовская, 2019, с. 268-272]. От него образуются производные слова определенной модели, не давая носителям арабского языка сомневаться в вещественном лексическом значении корня и сохраняя порядок следования базовых элементов. Только с этими ключевыми элементами связывается лексическое значение арабского корня, и они никак не подвергаются искажающему процессу основной идеи корня. Он же – корень – не позволяет присоединения к нему элементов другого корня или аффикса. Отсюда и способность арабов читать самые старые тексты, как будто они были написаны вчера. К тому же, к корню прибавляется один грамматический звук для выражения определенного грамматического значения, поэтому название орудия действия формируется по модели [miftāḥ], употребляемой для создания данного деривата, присоединяется только звук /m/.

Производные слова данной модели объединяются в одну группу с одним и тем же грамматическим звуком и одной и той же звуковой материей. Например, от араб. [naẓara] نَظَرَ, рус. *смотреть*, англ. *to look*, создается название орудия действия → [minẓfār] مِنْظَارٌ, рус. *телескоп*, англ. *a telescope*; араб. [ṭāḥaḥa] طَيَّفَ, рус. *делать спектрацию*, англ. *to spectrate* → [miṭṭāfun] مِطْيَافٌ, рус. *спектроскоп*, англ. *a spectroscope*; араб. [qāsa] قَاسَ, рус. *измерить*, англ. *to measure* → араб. [miqīāsun] مِقْيَاسٌ, рус. *измеритель*, англ. *a measurer*.

Высокая организованность и систематичность словообразовательных моделей в арабском языке сохраняют порядок следования базовых элементов корня и его вещественное лексическое значение. Они также гарантируют грамматическую самостоятельность арабского слова и показывают, что грамматические звуки играют важную роль в обеспечении грамматической категоризации и устойчивости этимологической последовательности корня. Не каждому удастся знать, что суффикс *-логия* был самостоятельным словом, превратившимся в аффикс и что первая часть слова (вирусология) утратила свою родовую, числовую и падежную самостоятельность в пользу второй. Поэтому, слово вирус в данном случае категоризируется не по своим грамматическим маркерам в составе этого образования, а по грамматическим маркерам второй части.

Возникает важный вопрос о достижении структурной и семантической эквивалентности перевода [Бархударов, 1975; Латышев, 1988]. Семантической эквивалентности можно достичь в процессе перевода, а структурная – нуждается в глубоком анализе. Установление эквивалентного арабского форманта для соответствующего русского носителя словообразовательного значения служит прочной базой для перевода дериватов с одним и тем же формантом. Например, для русских слов, заканчивающихся на словообразовательный формант *-тель* со значением исполнителя действия, часто употребляется арабская словообразовательная модель [fā'il]. В данном случае русскому форманту соответствует структурная эквивалентность, по которой достигается и семантическая адекватность, например: *сеятель*, англ. *a planter*, араб. [zāri'un] زَارِعٌ; рус. *мечтатель*, англ. *a dreamer*, араб. [hālimun] حَالِمٌ; рус. *избиратель*, англ. *a voter*, араб. [nāhibun] نَاخِبٌ; рус. *издатель*, англ. *a publisher*, араб. [nāširun] نَاشِرٌ; рус. *исследователь*, англ. *a researcher*, араб. [bāhītun] بَاحِثٌ. Под структурной эквивалентностью мы имеем в виду не полное соответствие структурных элементов дериватов русского и арабского языков, а установление определенной словообразовательной модели для каждой русской модели, что не только позволяет арабистам использовать необходимую модель арабского языка для перевода русского слова, но и показывает потенциальную узнаваемость словообразовательных моделей по аналогии с существующими моделями [Бреус, 2004]. Учитывая, что русский и арабский языки являются разноструктурными, лингвисты могут определить эквивалентные словообразовательные структуры.

Выделение такого типа структурной эквивалентности помогает русистам понять специфическое строение арабского деривата и активизирует их потенциальные словообразовательные навыки. Однако можно знать структуру и семантику производящей основы, но морфологическая категоризация, в результате которой дериваты меняются, затрудняет задачу перевода новой лексики, поэтому процесс установления формантной эквивалентности решает сложные задачи преобразования арабских слов, созданных на базе арабских словообразовательных моделей. Таким образом, арабская модель [fā'il], по которой создаются имена исполнителя действия, решает задачу других слов одного и того же форманта: рус. *носитель*, англ. *a carrier*, араб. [hāmilun] حَامِلٌ; рус. *начинатель*, англ. *a pioneer*, араб. [rā'idun] رَائِدٌ; рус. *обладатель*, англ. *an owner*, араб. [māllikun] مَالِكٌ; рус. *душитель*, англ. *a strangler*, араб. [hāniqun] حَانِقٌ. Очевидно, что словообразовательная структура арабской модели [fā'il] может

представлять собой эквивалент русскому форманту *-тель* и английскому *-er*. Образование нового слова от одного общеупотребительного русского, арабского или английского корня может подчиняться установленной словообразовательной эквивалентности в этих трех языках. При этом четко выделяется роль словообразования в решении задач перевода на основе структурной эквивалентности.

В данном случае внимание привлекает флективная категоризация арабских производящих основ. Несмотря на то, что арабская словообразовательная модель является эквивалентной структурой для русских *-тель* и английских *-er* формантов, она не позволяет присоединить к корню формальные средства для выражения словообразовательного значения. Корень берет на себя задачу флективной «мутации» – количественного изменения звуковой долготы / краткости каждого слога и в конце концов всей звуковой материи, чтобы выразить нужное словообразовательное значение. Если русские и английские производящие основы нуждаются в словообразовательном средстве – форманте, в основе которого лежит самостоятельное слово, то арабские мотивирующие базы опираются только на самих себя, выполняя одну и ту же функцию, что и русская производящая база, и аффиксы.

Однако изучаемый процесс, когда арабский корень активизирует свои потенциальные способности для определения того, что выражается формальными средствами в других языках, нуждается в точном анализе. Так, например, в русском языке употребляется суффикс *-ун* для выражения существительного со значением того, кто склонен совершать определенное действие или выполняет определенный вид деятельности (преувеличивает) типа хвостун, прыгун, ползун, свистун и другие. Очевидно, что к русскому глаголу необходимо прибавить аффикс, чтобы выразить данное словообразовательное значение. Добавляемый аффикс не является частью корня производящей базы, а в отдельных случаях может быть частью или основой другого слова, которое в определенное далекое время превращается в аффикс.

Арабский корень для выражения одного и того же словообразовательного значения, которое выражается формальным формантом в русском языке, количественно мутирует. Он сохраняет свои оригинальные элементы, не допуская присоединения к себе чужого элемента, количественно изменяется для выражения избытка или чрезмерности выполнения одного и того же действия, к которому человек постоянно склонен. Например, арабская словообразовательная модель [fa‘ā] употребляется для выражения

чрезмерности действия. По звуковой материи данной модели формируется весь звуковой состав производного слова до малейшего элемента. Самое интересное, что можно выделить в этой модели, – «модельная мутация», при которой производящая основа сохраняет все звуки корня в производной единице, но эти звуки количественно изменяются под влиянием чередования гласных, диктующих новое словообразовательное значение одними и теми же элементами мотивирующей базы. Следовательно, от арабской производящей базы араб. [raqaʃa] رَقَصَ, рус. *плясать*, англ. *to dance*, образуется новый дериват араб. [raqqāʃ] رَقَّصَ, рус. *плясун*, англ. *a dancer*; араб. [zaḥafa] زَحَفَ, рус. *ползать*, англ. *to crawl* → араб. [zaḥḥāf] زَحَّافَ, рус. *ползун*, англ. *a crawler*; [qafaʒa] قَفَزَ, рус. *прыгать*, англ. *to jump* → араб. [qaffāz] قَفَّازٌ, рус. *прыгун*, англ. *a jumper*; араб. [maʃa] مَصَّ, рус. *сосать*, англ. *to suck* → араб. [maʃṣāʃ] مَصَّاصٌ, рус. *сосун*, англ. *a sucker*. Одному и тому же словообразовательному правилу подчиняются и другие слова типа *свистун, трясун, лгун, летун, молчун, плакун, плавун, хвастун* и многие другие. Большая повторяемость образования новой лексики по данной модели в русском и арабском языках показывает, что данный деривационный тип является высоко продуктивным в обоих языках. Частота употребления суффикса *-ун* в русском языке и стойкая неизменяемость элементов арабской мотивирующей базы при создании арабских дериватов по данной модели доказывают, что есть эквивалентная словообразовательная структура для перевода производных слов данного типа.

Несмотря на разные структуры словообразовательных моделей (русский формальный формант и арабский суперфлексивный формант), выражающие одно и то же словообразовательное значение в следующих примерах: [raqaʃa] رَقَصَ, рус. *плясать* → араб. [raqqāʃ] رَقَّصَ, рус. *плясун* и [qafaʒa] قَفَزَ, рус. *прыгать* → араб. [qaffāz] قَفَّازٌ, рус. *прыгун*, эквивалентные структуры в обоих языках строго обязывают добиваться равнозначного перевода. Невозможно образовать и / или достичь семантического эквивалента по другим словообразовательным моделям. Дериваты данной модели не создаются другими словообразовательными средствами, если нужно выразить деривационное значение «чрезмерность или избыток» действия. Они не только управляемы образцовыми моделями образования новой лексики с данным деривационным значением, но и практически не формируются по другим правилам. Таким образом, переводческая эквивалентность не просто подчиняется словообразовательной структуре моделей. Благодаря ей достигается языковое взаимодействие в процессе переводческой деятельности.

Благодаря модельной эквивалентности достигается переводческая эквивалентность и решается задача сохранения языковых истоков, показывающих мотивационные отношения и связь элементов языка [Гарбовский, 1982]. Полагаем необходимым создание словаря эквивалентных структур перевода в соответствии со структурными моделями, где для моделей был бы установлен список эквивалентных формантов. Данный тип научных работ, в которых используются способности словообразования четко раскрывает скрытую функцию формантной специфики в достижении эквивалентности перевода, безусловно, интенсифицирует навыки переводчиков. На словообразовательные процессы – мотивацию, словообразовательные модель и формант падает большая нагрузка по раскрытию типов семантических и грамматических связей, прокладывающих дорогу переводчикам к пониманию сущности обоих языков и достижению переводческой эквивалентности.

ВЫВОДЫ

Процесс перевода как познавательный процесс никак не отделяется от словообразования. Новые слова не так просто оформляются, а подчиняются действующим правилам словообразования, чтобы по аналогии с бывшими словами создать новые, нужные для новых потребностей человеческой жизни. Основа арабского корня связывается с его базовыми элементами, берущими на себя функцию сохранения порядка их следования и количественного изменения, чтобы выразить разные словообразовательные значения, которые выражаются в других языках формальными средствами. Переводческая деятельность и переводческая эквивалентность никак не могут быть успешно сделаны вне рамок словообразовательного процесса. Словообразование – есть точный ключ от переводческой двери, ведь оно раскрывает все элементы выражения семантического и грамматического значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карам, Р.А. Словообразовательная структура зоокомпонентов с глагольной основой в языках различных типов. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация 2. 2009.
2. Карам, Р.А., А.А. Черкасова. Словообразовательная структура и мотивация в сложносоставных единицах русского языка. Жизнь

- традиции в диалоге времен: материалы научно-практической конференции молодых ученых по гуманитарным наукам. 2010.
3. Аль-фоади Р.А. Принципы фонограмматики в приложении к прогрессивной языковой категоризации арабских и русских корней // Филологические науки. Языкознание. Научные доклады высшей школы 2016. № 6. С. 20-26.
 4. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. 207 с.
 5. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.
 6. Белкин В.М. Арабская лексикология. М.: Изд-во МГУ, 1975. 200 с.
 7. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения, М.: гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. 2. изд. репр. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. 592 с.
 8. Финкельберг Н.Д. Арабский язык. Курс теории перевода.: М.: Восток-Запад, 2004, 228 с.
 9. Аль-Фоади Р. А., Зарытовская В. Н. К вопросу о внутренней флексии корней в арабском и русском языках (флективный анализ структуры корня) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 268-275.
 10. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов. М.: Междунар. отношения, 1975. 239 с.
 11. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
 12. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учебное пособие; Ун-т Российской акад. образования. 4-е изд. М.: УРАО, 2004. 207 с.
 13. Гарбовский Н.К. Переводческие трансформации и обучение переводу // Перевод как лингвистическая проблема. М., 1982. 120 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Karam, R.A. (2009). Slovoobrazovatel'naya struktura zookompozitov s glagol'noj osnovoj v yazykah razlichnyh tipov [The word-formation

- structure of zoo-composites with a verbal basis in languages of various types]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya 2.
2. Karam, R.A., CHERkasova A.A. (2010). Slovoobrazovatel'naya struktura i motivaciya v slozhnosostavnyh edinicah russkogo yazyka. Zhizn' tradicii v dialoge vremen: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh po gumanitarnym naukam [Word-formation structure and motivation in composite units of the Russian language].
 3. Al'-foadi R.A. (2016). Principy fonogrammatiki v prilozhenii k progressivnoj yazykovej kategorizacii arabskih i russkih kornej [Principles of phonogrammatiks in the application to the progressive language categorization of Arabic and Russian roots]. // Filologicheskie nauki. Yazykoznanie [Philological sciences. Linguistics] Scientific reports of the higher school № 6. pp. 20-26.
 4. Moiseev A.I. (1987). Osnovnye voprosy slovoobrazovaniya v sovremennom russkom literaturnom yazyke [The main issues of word formation in the modern Russian literary language]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 207 p.
 5. Yarceva V.N. (1998). Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [Linguistics. Large encyclopedic dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia], 685 p.
 6. Belkin V.M. (1975). Arabskaya leksikologiya [Arabic lexicology]. Moscow: Izd-vo MGU, 200 p.
 7. Grande B.M. (2001). Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. [The course of Arabic grammar in comparative historical coverage]. Ros. akad. nauk. In-t vostokovedeniya, Moscow: gos. un-t im. M.V. Lomonosova. In-t stran Azii i Afriki. 2. izd. repr. Moscow: Izd. firma «Vost. lit.» RAN, 592 p.
 8. Finkel'berg N.D. (2004). Arabskij yazyk. [The Arabic language]. Kurs teorii perevoda: Moscow: Vostok-Zapad, 228 p.
 9. Al'-Foadi R. A., Zarytovskaya V. N. (2019). K voprosu o vnutrennej fleksii kornej v arabskom i russkom yazykah (flektivnyj analiz struktury kornya) [On the question of the internal inflections of roots in Arabic and Russian (inflectional analysis of the root structure)]. //

- Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. T. 19, vyp. 3. pp. 268-275.
10. Barhudarov L.S. (1975). Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevodov [Language and translation. Questions of general and particular translation theory]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 239 p.
 11. Latyshev L.K. (1988). Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya [Translation: problems of theory, practice and teaching methods]. Moscow: Prosveshchenie, 160 p.
 12. Breus E.V. (2004). Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na anglijskij [Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English]: uchebnoe posobie; Un-t Rossijskoj akad. obrazovaniya. 4-e izd. Moscow: URAO, 207 p.
 13. Garbovskij N.K. (1982). Perevodcheskie transformacii i obuchenie perevodu [Translation transformations and translation training]. // Perevod kak lingvisticheskaya problema. Moscow. 120 p.

Информация об авторе

Магистр

Рахад Хани Аль-Рознамачи,

Университет Багдада

raghad.hani191.rh@gmail.com

Information about the author

Master's student

Raghad Hani Al-Roznamachi

University of Baghdad

raghad.hani191.rh@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure: The author declares Conflicts of Interest Disclosure.